

К.Р.Буйнова

Латиноамериканское турне Евгения Евтушенко (1968 г.)

Чили. «В вулкане острейшей борьбы»

В конце 1967 г. Евгений Евтушенко отправился в большое латиноамериканское турне, в рамках которого побывал в Чили, Уругвае, Колумбии и Мексике. По правилам Союза писателей поэт должен был написать краткий официальный отчет о командировке. Однако отчет Евтушенко нельзя назвать ни кратким, ни официальным: написан он подробно, страстно и явно с целью впечатлить начальство своими успехами и убедить в своей благонадежности и полезности. В первой части, посвященной Чили, автор «Бабьего Яра» касается расстановки политических сил в стране, говорит о недостаточном — или недостаточно качественном — советском присутствии; уделяет значительное внимание резонансу, который произвели за океаном литературно-политические процессы, имевшие место в СССР (дело Синявского и Даниэля, «Процесс четырех»); и, наконец, рассказывает о своих поэтических вечерах. Текст отчета, хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), предворяется статьей и сопровождается комментариями.

Ключевые слова: Евгений Евтушенко, Латинская Америка, Чили, 1968 г.

DOI: 10.31857/S0044748X24050043

Статья поступила в редакцию 23.09.2023.

В декабре 1967 г. Евгений Евтушенко отправился в большое турне по Латинской Америке. За пять месяцев он побывал в Чили, Уругвае, Колумбии и Мексике, а также — по дороге туда и затем обратно — в Дании и США. Об этой поездке известно в основном из более поздних интервью Евгения Александровича, а вот подробности, тем более отраженные синхронно, приходится восстанавливать по отрывочным сведениям из разных источников. Между тем сразу по возвращении Евтушенко написал в Секретариат Союза писателей отчет о командировке. Такие отчеты были своеобразной повинностью для командировочных и обычно писались коротко-сухо и без особого рвения. Отличительные черты отчета Евтушенко — большой объем (61 машинописный лист), обилие деталей и эмоцио-

Кристина Романовна Буйнова — кандидат исторических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0002-6983-5212>, k.r.bujnova@inno.mgimo.ru).

нальность изложения. Документ буквально «дышит» советскими шестидесятыми и хорошо отражает то, как в СССР воспринимали политику стран Латинской Америки и латиноамериканских писателей.

Оригинал документа хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства [1, л. 4-61]. Одна из копий была отправлена в ЦК и впоследствии осела в фонде отдела культуры ЦК КПСС в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). В 2009 г. отчет был опубликован в сборнике «Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965—1972» [2, с. 530-566]. Однако в расшифровке были допущены ошибки в именах и топонимах. В нашей статье мы предлагаем уточненную расшифровку с комментариями по тексту.

Первой страной латиноамериканского турне Евтушенко была Чили. В Чили поэт пробыл 50 дней, чувствуя себя, как он сам выразился, «в вулкане острейшей борьбы». Этому ощущению способствовала обстановка в левых кругах страны. Дело в том, что президентом Чили в 1964—1970 гг. был Эдуардо Фрей Монтальва, возглавлявший Христианско-демократическую партию (*Partido Demócrata Cristiano*). Компартия Чили (*Partido Comunista de Chile*) смогла пройти в парламент, среди левых наблюдалось большое оживление. ЦК КПСС относился к правительству Фрея довольно благосклонно [3, р. 49]. Евтушенко, хорошо улавливавший конъюнктуру, подтвердил: «Я пришел к выводу, что на данном этапе правительство Фрея должно нас относительно устраивать»¹.

Кого чилийский президент не устраивал, так это Кубу. Фидель Кастро обличал правительство Фрея в том, что он — «любимчик империализма янки», который при этом изображает из себя революционера, но таковым не является [3, р. 206]. Голос с Острова Свободы имел в Чили большой резонанс, а Кубинская революция завоевывала все больше сторонников — в ущерб интересам двух своих конкурентов — Москвы и Пекина². При таком раскладе коммунистических сил Евтушенко говорит о китайской пропаганде как об «атаках справа», а под «ультралевыми» — куда более серьезными соперниками в Латинской Америке — подразумевает последователей кубинской модели.

Критика слева в адрес Евтушенко звучала из таких изданий, как, например, газета *La Nación*. Освещая совместное выступление Неруды и Евтушенко, последнего в этой газете называли «официальным бунтовщиком» (*rebelde oficialista*), которому не хватает даже «теоретической революционной подготовки», но он популярен, потому что удовлетворяет запрос на модное левачество (*izquierdismo*) в Чили. Евтушенко, как и его публика, готовая «кокетничать с империалистами», по мнению автора обзора, не прочь читать стихи перед американской публикой в разгар войны во Вьетнаме [4].

Кубинские власти считали, что Москва готова сотрудничать с империализмом, и это, как известно, было камнем преткновения в диалоге между СССР и Кубой. К 1967 г. советско-кубинские отношения оставляли желать лучшего, что хорошо заметно по культурным связям. Судя по протоколам, на заседаниях Союза писателей при упоминании Кубы был принят снисходительный тон, которым передавалось сожаление о трагических заблуждениях «младшего брата». Евтушенко отлично воспроизводит этот тон, изображая кубинскую политику незрелой и несерьезной, особенно на фоне по-

¹ См. в документе, публикуемом ниже.

² О маоистском влиянии в Чили см. [3, р. 77].

ведения чилийской компартии, придерживавшейся линии Москвы: «политика чилийской компартии по отношению к Кубе, несмотря на оскорбительные оклики с острова, является примером тончайшего такта, терпения, и я бы даже сказал — гигантской моральной выдержки»³. Подобный тон был призван принизить соперника (т.е. Кубу), ставшего еще более привлекательным для молодежи континента после трагической гибели Че Гевары в октябре 1967 г., т.е. незадолго до приезда поэта в Чили.

Вообще-то Евтушенко был горячим поклонником Кубинской революции, провел на острове несколько месяцев, посвятил Кубе множество произведений и обрел там много друзей [5, с. 163-168]. Учитывая состояние двусторонних отношений, советскому поэту приходилось придерживаться официальной линии, но отказаться от своих симпатий страстный Евтушенко не мог. В поисках способа остаться верным идеалам Кубинской революции он обращался к ее «безопасным» истокам и первым достижениям, ценность которых в Кремле не оспаривали: «Фидель Фиделем, все это чрезвычайно огорчительно, но объективно значение кубинской революции — особенно ее начало, так важны для Латинской Америки и для молодежи всего мира в целом, <...> надо, несмотря ни на что, выразить поддержку не персонально кубинским руководителям, не сомнительной, хотя и маняще красивой идее чегеваризма, а самой идее кубинской революции, самой памяти ее борцов, павших в борьбе с диктатурой»⁴.

Остроту визиту Евтушенко в Чили добавляла литературно-политическая ситуация, сложившаяся в СССР. В 1967 г. Союз писателей ощутил всю тяжесть международного бойкота: вот уже полтора года — с тех пор, как стало известно об аресте Андрея Синявского и Юлия Даниэля и о вынесенном им приговоре, — в адрес этого творческого объединения регулярно приходили протестные письма со всего мира. На фоне беспрецедентной международной реакции⁵ союз даже перенес проведение IV съезда писателей с конца 1966 г. на май 1967, но и в мае недосчитался гостей⁶. Масла в огонь подлило письмо Александра Солженицына к съезду [9, р. 211-216], сразу же появившееся в иностранной прессе [10] и вызвавшее новую волну обсуждения цензуры в СССР. Отправляя в командировку популярного на За-

³ См. в документе, публикуемом ниже.

⁴ См. в документе, публикуемом ниже. Под чегеваризмом подразумевается поддержка Кубой «программ латиноамериканской партизанской войны». Подробнее см.: В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. Традиция интернационализма в идеологии и практике кубинской революции. *Латинская Америка*, 2020, № 8, с. 65.

⁵ На Западе еще помнили о ситуации, связанной с Пастернаком, когда международная солидарность была столь масштабной, что в судьбу поэта вмешался лично Джавахарлал Неру [6]. Эффект был и от поддержки Валерия Тарсиса в 1962—1963 гг.: тогда резонанс за границей заставил власти выпустить писателя из психиатрической больницы [7, с. 172]. Все убеждало международное сообщество в необходимости и эффективности протестов против политических преследований в СССР. Реакция на дело Синявского и Даниэля, обвиненных в антисоветской агитации и пропаганде из-за публикаций за границей, началась с конца 1965 г., усилилась после оглашения приговора в 1966 г. (семь и пять лет лагерей) и не утихла в 1967 г.

⁶ Из отчета Иностранной комиссии о IV съезде: «Ощущалось отсутствие таких имен, как Луи Арагон, Эльза Триоле, Жан Поль Сартр, Халлдор Лакснесс, Артур Лундквист, Генрих Бёллер, отрицательная позиция которых, как нам известно, сложилась под влиянием процесса Даниэля-Синявского» [8, л. 13].

паде Евтушенко, в Союзе писателей, по-видимому, рассчитывали на то, что автор «Бабьего Яра» сумеет склонить латиноамериканское писательское сообщество на сторону СССР и завоевать его доверие. Поэт был идеальным «полпредом без мандата»: молодой, привлекательный, знающий иностранные языки и умеющий расположить к себе собеседника [11, с. 47]. Публично Евтушенко, разумеется, такую цель командировки отрицал: «...справа меня именовали не иначе, как матерым идеологическим агентом Кремля, посланным специально, чтобы замазать ужасы, творящиеся в СССР», но свою роль осознавал вполне и, судя по отчету, наслаждался возможностью «дать бой», «разделатъ напрочь», «заткнуть глотки» и «сломить вой»⁷.

Судя по отчету, большое беспокойство у Евтушенко вызывала необходимость отвечать на вопросы о Синявском и Даниэле, потому что позицию ЦК он категорически отвергал. Помимо благородной цели — защитить коллег — у Евтушенко был свой интерес в смягчении линии на преследование за «тамиздат»: у него тоже были несогласованные с ЦК публикации за границей⁸. Много лет спустя, когда опасность быть разоблаченным миновала, поэт объяснил свое беспокойство за коллег тайным знанием: якобы в 1966 г. у него был секретный разговор с Робертом Кеннеди. «Бобби» конфиденциально сообщил ему, утверждает Евтушенко, что информация о личностях «антисоветчиков» была передана КГБ американской разведкой, предвидевшей, что в СССР начнется громкое политическое дело, которое отвлечет внимание мировой общественности от войны во Вьетнаме [15]. И хотя никаких доказательств того, что такой разговор имел место, не существует, тему заговора ради забвения Вьетнама Евтушенко развивал и в 1967 г. во время турне по Латинской Америке. Евтушенко устами своих собеседников (вне зависимости от того, говорили они это или нет) формулирует в отчете распространившееся в советских писательских кругах мнение: дело Синявского и Даниэля спровоцировало ЦРУ, Америке этот процесс только на руку, он дискредитирует СССР и отвлекает общественное мнение от вьетнамской повестки. Саркастическое замечание о том, что американцы охотно бы заплатили организатору процесса за эту услугу, в Союзе писателей стало безопасным способом выразить несогласие с преследованиями писателей за «тамиздат»⁹. Для Евтушенко это была, кроме того, попытка убедить ЦК, что громкие дела (каким, безусловно, стало бы его дело, будь оно заведено) лишь вредят репутации страны за границей.

⁷ См. в документе, публикуемом ниже. «Бабий Яр» — поэма Евтушенко, написанная в 1961 г. в память о жертвах массового расстрела евреев нацистами в Киеве в 1941 г.

⁸ Например, вышедшие до этой поездки сборники «Яблоко» и «Качка» [12, 13]. В Колумбии, куда Евтушенко отправился позже в рамках того же турне, он пытался опубликовать любовную лирику — сборник «Краденые яблоки» [14, р. 15].

⁹ Даже функционеры из числа советских писателей признавали, что дело Синявского-Даниэля наносит больше вреда репутации, чем пользы для дисциплины, и часто связывали это с Вьетнамом: «... когда убивали во Вьетнаме коммунистических и прокоммунистических деятелей, протестов не было, а Синявского и Даниэля поддерживали даже хорошо к нам настроенные люди, потому что это были антикоммунистические писания» (А.Сурков, см. [16]. Комментарии о выгоде американских спецслужб часто делались опосредованно, устами приглашенных. См., например, отчет переводчицы Фриды Лурье о визите Артура Миллера: «Руководители ЦРУ готовы были бы заплатить инициаторам подобных акций большой гонорар» [17].

Руководствуясь той же логикой, Евтушенко в отчете часто прибегает к завуалированной критике. Комбинируя ее с валидацией себя как настоящего коммуниста («я еще раз почувствовал всю правду ленинских слов о том, что лицо империализма узнаешь лучше всего не в его собственной стране, а в его колониях»¹⁰), он делает объектом критики не суть, а степень ограничений, как бы журя начальство за чрезмерную осторожность. Запрет он называет «безынициативностью», неблагонадежность и невыездной статус своих коллег по перу — «недостаточной “проверенностью”». В чилийском «вулкане острейшей борьбы» Евтушенко формулирует аргумент, с помощью которого пытается воздействовать на власть: «если не достает огня истинного, молодежь бросается на красивые отблески огня ложного и попадает в сети пекинской пропаганды или американской, или пропаганды “третьего мира”...»¹¹.

Подтверждая свои слова делом, за время пребывания в Чили Евтушенко жег глаголом на самых разнообразных площадках: перед университетской публикой, на телевидении, на баскетбольном стадионе *Gimnasio Nataniel*, вмещавшем 3 тыс. зрителей. Затем он предпринимает большое путешествие по стране с Франсиско Колоане¹².

По тексту отчета видно, что поэт писал его не с целью формально отчитаться о командировке, а с тем, чтобы впечатлить начальство своими поэтическими и политическими успехами, убедить в своей благонадежности и полезности, а заодно — на всякий случай — напомнить о своих известности и авторитете за границей. Евтушенко делает это эмоционально и даже лихо. Если бы отчет был зачитан им на заседании секретариата, то это выступление, безусловно, превратилось бы из протокольного мероприятия в авторский поэтический вечер.

Ниже представлена та часть отчета, в которой Евтушенко рассказывает о его визите в Чили. Описание короткого периода пребывания поэта в Дании, где он был транзитом, мы опускаем. В тексте сохранены авторская орфография и пунктуация.

В СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

от члена СП СССР
Евтушенко Е.А.

ОТЧЕТ О ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЕЗДКЕ

<...>

14 декабря я прилетел в Чили, и сразу оказался после относительно спокойного датского политического климата в вулкане острейшей борьбы. Я уже это почувствовал на аэродромах в Рио-де-Жанейро и в Буэнос-Айресе, где за мной неотступно следовали шпики и нагло фотографировали.

Прогрессивная общественность Чили, — друзья Советского Союза — возлагали большие надежды на мой приезд и, чувствуя это, всевозможные антисоветчики всех мастей старались этот приезд опорочить, принизить.

¹⁰ См. в документе, публикуемом ниже.

¹¹ См. в документе, публикуемом ниже.

¹² Впоследствии Колоане описал эту поездку в статье: [18].

Пресса США, например, во время моего двухмесячного пребывания в Америке ни разу себе не позволила меня как-либо оскорбить, хотя, разумеется, и полемизировала с рядом моих высказываний. Но лакей всегда наглее, чем его хозяин. Реакционная пресса Чили финансируется прямо из американского посольства, например, журнальчик «Пег», и разнузданность этих лакеев не имеет пределов. Да что о них и говорить, если даже президента Фрей¹³ они чуть ли не объявляют коммунистическим агентом! Гнусная газетная кампания велась в то время и против Пабло Неруды¹⁴. В общем, я еще раз почувствовал всю правду ленинских слов о том, что лицо империализма узнаешь лучше всего не в его собственной стране, а в его колониях. Американцы чувствуют, что Латинская Америка — бочка с порохом, и дрожат за свои капиталовложения в индустрию этих стран. Поэтому они и не гнушаются помощью самых отъявленных, как я и называл «гнилозубых койотов из джунглей журнализма». Но и у реакционных кругов Латинской Америки есть их верные союзники в борьбе против нашей Родины — это «ультралевые». Как сказал Пабло Неруда, «эти парни так далеко зашли влево, что уже оказались справа». И по сравнению даже с самыми яркими «правыми» эти «левые» порой куда агрессивнее и злобнее. Разумеется, я не хочу обвинять всех «ультралевых» в злом умысле. Многие из них просто еще зеленые мальчишки, бредящие Че Геварой¹⁵, головы которых набиты винегретом из Троцкого, Мао Цзе Дуна, Фиделя, и которым искренне хочется умереть за свободу. Они просто не видят, что их ведут на гибель латиноамериканские гапоны. Эти мальчишки вовсе не потерянные люди, но их просто нужно зажечь другим огнем — огнем не ложным, а истинным. Этот истинный огонь должен исходить и, конечно, от коммунистических партий данных стран, но в то же время должен быть поддержан нашей пропагандой за рубежом.

Огромную роль должны играть в этом поездки наших писателей, артистов, художников, а также информации и статьи, направляемые нашими агентствами за рубеж. Добрыми словами в Чили, например, вспоминали Маргариту Алигер, С.С.Смирнова — они сделали многое, но все-таки передовая интеллигенция спрашивала все время о нашей молодежи — когда же к нам приедут Вознесенский, Ахмадулина, Окуджава, Эрнст Неизвестный¹⁶ со своей выставкой? Эти поездки

¹³ Эдуардо Фрей Монтальва (1911—1982 гг.) — президент Чили в 1964—1970 гг. С начала своего президентского срока Фрей восстановил дипломатические отношения с СССР. См. [3, р. 40].

¹⁴ Пабло Неруда (1904—1973 гг.) — чилийский поэт, лауреат Сталинской премии (1953 г.), Нобелевской премии по литературе (1971 г.), без преувеличения один из главных посредников в отношениях между Чили и СССР.

¹⁵ Эрнесто Че Гевара (1928—1967 гг.) погиб в октябре 1967 г., за несколько месяцев до очередного приезда Евтушенко в Латинскую Америку. Весть о его смерти была ударом для левого сообщества Латинской Америки.

¹⁶ Маргарита Иосифовна Алигер (1915—1992 гг.) — советская поэтесса. Переводила поэзию с нескольких иностранных языков, в том числе с испанского — Пабло Неруду, Никанора Парру. Смирнов, Сергей Сергеевич (1915—1976 гг.) — советский писатель, автор книги «Брестская крепость». Знал испанский язык, неоднократно бывал в Латинской Америке, в том числе в Чили — за несколько месяцев до Евтушенко — см. [19]. Молодых советских поэтов — Андрея Вознесенского (1933—2010 гг.), Беллу Ахмадулину (1937—2010 гг.), Булата Окуджаву (1924—1997 гг.), Роберта Рождественского (1932—1994 гг.), а также скульптора Эрнста Неизвестного (1925—2016 гг.) действительно очень часто звали и хотели видеть на международных площадках, о чем, в частности, свидетельствует переписка Иностранной комиссии Союза писателей в 1960-х годах.

явились бы колоссальной помощью для чилийской компартии в завоевании душ молодежи, и вообще для пропаганды идей нашей Родины. Но наша сторона иногда проявляет странную безынициативность, дожидаясь приглашений, а когда и получает приглашения в эту или другие страны, часто тянет, ввиду недостаточной «проверенности» некоторых имен в чьих-то глазах. К этому вопросу я еще вернусь впоследствии... Также следует сказать и о нашей информации за рубеж. Слов нет, за последнее время она улучшилась, — в частности, АПН¹⁷ делает много интересного. Но в целом информацию следует делать умней, тоньше, шире, увлекательней. Кроме того, надо помнить, что все статьи, печатаемые в нашей прессе, это тоже в какой-то степени информация за рубеж. И тупые, окрашенные неприятными оттенками догматизма, статьи, — особенно по вопросам культуры, печатающиеся у нас и затем фрагментарно перепечатающиеся с восторгом реакционными газетами — отпугивают иностранную молодежь, в том числе и латиноамериканскую. Итак, повторно — если не достает огня истинного, молодежь бросается на красивые отблески огня ложного и попадает в сети пекинской пропаганды, или американской, или пропаганды «третьего мира», исходящей, к сожалению, от Кубы.

Не преувеличивая, скажу, что сильным ударом по нашей пропаганде, по престижу коммунистических партий Латинской Америки, и по престижу нашей собственной страны, был процесс Синявского, Даниэля, а затем процесс Гинзбурга, Галанскова, Добровольского¹⁸. Возможно, некоторым товарищам, которые будут читать мой отчет, будет не совсем приятно натолкнуться на такое мое заключение, но, поверьте, что это не эмоциональное изъятие моих собственных чувств, а просто точная информация — а именно точная информация, пусть и не совсем приятная, как я полагаю, должна содержаться в отчетах советских людей, выезжающих за рубеж.

В Мексике, например, я случайно встретил в отеле Терри Каттермана — бывшего сотрудника американского посольства в СССР, затем главного редактора «Голоса Америки» на русском языке, сейчас сотрудника госдепартамента и, возможно, в будущем посла США в Израиле. Каттерман был окружен подвыпившими американцами, под штатскими костюмами которых угадывалась военная выправка. На мой вопрос, что это за люди, Каттерман довольно-таки откровенно заметил: «Это наше, так сказать, армейское политуправление. Проводим, так сказать, политбеседы в Латинской Америке. Ты разумеешь *[sic]*, мы восстанавливаем. Мы восстанавливаем — ты разрушаешь. Конкуренция...» И тут же Каттерман с усмешкой добавил: «Слушай, не можешь ли ты дать нам точную фамилию человека, который организовал этот процесс сейчас? Мы бы ему с радостью перевели большую сумму. Это был такой подарок для нас. Вьетнам сразу же слетел с первых полос газет...». Признаю, мне стало невесело от его своеобразного юмора.

Действительно, Вьетнам слетел с первых полос, и все газеты были заполнены процессом к великой радости всех реакционеров, у которых на руках появилось

¹⁷ АПН — Агентство печати «Новости» было основано в 1961 г. на базе бывшего Совинформбюро. Учредителями нового пропагандистского органа стали Союз журналистов СССР, Союз писателей СССР, Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами и общество «Знание».

¹⁸ В начале 1967 г. были арестованы составители «тамиздатовского» сборника «Белая книга» по делу Синявского и Даниэля: Александр Гинзбург, Юрий Галансков, Алексей Добровольский, а также машинистка Вера Лашкова. Приговор был оглашен в январе 1968 г., все обвиняемые получили сроки за антисоветскую агитацию и пропаганду.

подаренное им оружие. Но, черт с ними, с врагами. Можно, конечно, не обращать на них внимание, хотя на сей раз тоже надо попробовать известную формулу «Кому это на руку?», употребляемую, к сожалению, лишь односторонне.

Обратимся к друзьям Советского Союза, друзьям многолетним, испытанным в горниле многих политических ситуаций, — и коммунистам, и не коммунистам, — к таким, как Пабло Неруда, Сикейрос¹⁹, руководители компартий латиноамериканских стран, редактора коммунистических газет, профессора университетов, поэты, прозаики (включая Мигеля Ангела Астуриаса²⁰, с которым я виделся на обратном пути в Париже), художники, архитекторы, инженеры, руководители всех обществ дружбы с Советским Союзом, наконец, передовые рабочие. Я даю честное слово, что не встретил в Латинской Америке ни одного друга Советского Союза, который бы считал этот процесс необходимым, а его форму полезной для пропаганды идей социалистического общества (подчеркнуто в оригинале. — К.Б.). Эти люди не делали заявлений в адрес советского правительства, понимая, что эти заявления могут быть использованы в политической борьбе, ведущейся против коммунизма за рубежом, однако все они просили довести до сведения Союза писателей и нашего правительства их мнения, как мнения друзей Советского Союза, ни разу не подводивших нашу страну в самых тяжелых ситуациях.

Вот, примерно, суммарно выраженное их мнение:

«Возможно, эти люди виноваты, и действительно были связаны с антисоветскими организациями. Безусловно, в таком случае их поступок непростителен. Однако если ваши следственные органы располагали неопровержимыми доказательствами, почему они не устроили открытого процесса, на который были бы допущены корреспонденты из социалистических и капиталистических стран? Нам, вашим друзьям, было очень трудно после процесса Синявского и Даниэля, но теперь труднее вдвойне, ибо вся реакционная пресса вопит: “не идите за коммунистами, не идите за Советским Союзом! Посмотрите, к чему вы придете, если пойдете за коммунистами — каждого из вас тоже могут судить закрытым судом, и никто ничего точно не узнает, за что вы были осуждены. Вот оно лицо коммунизма — тюремная решетка” и т.д. Второй аспект: все диктаторские и полудиктаторские режимы в Латинской Америке, включая и далекие как будто, но психологически близкие режимы в Испании и Португалии, используют эти процессы в СССР для оказания давления на свою собственную прогрессивную интеллигенцию. “Вам нравится коммунизм? Ну что ж, раз он вам нравится, мы будем поступать с вами так же, как коммунисты поступают со своими писателями в своей стране. Мы будем вас сажать”. Третий аспект: даже если вина этих людей была бы открыто доказана всей общественности, не представляло ли бы больший эффект их моральное осуждение — ведь в случае заключения они из никому неизвестных людей сразу делаются знаменитыми и, следовательно, более опасными? Четвертый аспект: никакие стихи, статьи, книги, не опубликованные в СССР, но публикуемые на Западе, не имеют и сотой доли значения для антисоветской пропаганды, как организуемые вокруг них политические скандалы. Оба эти процесса по сути являются двумя рождественскими подарками американскому империализму и его латиноамериканским приспешникам».

¹⁹ Давид Сикейрос (1896—1974 гг.) — мексиканский художник-муралист, участник коммунистического движения. Евтушенко встретился с ним в той же командировке, когда поехал в Мексику.

²⁰ Мигель Анхель Астуриас (1899—1974 гг.) — гватемальский писатель, лауреат Нобелевской премии (1967 г.).

Поскольку мой приезд в Чили совпал с началом процесса (кстати, о нем я не был даже предупрежден в Москве)²¹, я испытывал на себе всю «прелесть» пребывания советского человека за рубежом в такой момент. Реакционные газеты печатали мой улыбающийся портрет рядом с портретами подсудимых, заштрихованными на манер тюремной решетки: «Евтушенко пропагандирует счастье коммунизма, а его коллеги за решеткой». В мой адрес публиковались на первых полосах открытые письма с провокационными призывами выступить открыто против этого процесса. На моих выступлениях разбрасывались листовки, отпечатанные на деньги американского посольства, с призывами не слушать советского поэта, а идти демонстрацией протеста к зданию советского посольства и т.д. Короче говоря, я хлебал не чай с сахаром.

Руководители чилийского университета, приглашавшие меня, несколько растерялись от этих атак (а может быть, некоторые из них втайне даже и были довольны). Кроме того, сложность положения усугублялась и тем, что одновременно на меня начали вести атаки слева. Если справа меня именовали не иначе, как матерым идеологическим агентом Кремля, посланным специально, чтобы замазать ужасы, творящиеся в СССР, слева меня обзывали «агентом американского империализма», посланным кремлевскими ревизионистами, чтобы разложить революционную борьбу трудящихся Латинской Америки. На выставке пластического искусства пропекинская группа, возглавляемая бездарным поэтиком Махмудом Масизом²², организовала митинг, где я, Пабло Неруда и даже Никанор Парра, стоящий вообще несколько в стороне от политики, но искренний друг советской поэзии²³, были объявлены предателями марксизма. Однако расчеты провокаторов сорвались. Их крикливую группку разогнала прогрессивная чилийская молодежь — да еще, вдобавок, сильно всыпала крикунам. Но положение продолжало оставаться напряженным. Руководители университета на мое предложение устроить большой вечер поэзии стали пожимать плечами: «Знаете, у нас это не принято... Мы можем вам дать зал Почета в университете. Он вмещает около полутора тысяч человек, но это действительно самая почетная аудитория в Чили и, кроме того, как нам кажется, достаточно большая... Здесь же не Советский Союз... У нас не любят поэзию так, как у вас... Кроме того, мы не располагаем средствами для аренды больших залов...». Я согласился. — Нечего делать! — Ведь все же университет был приглашающей стороной, но немедленно поехал к Пабло Неруде, где встретился с руководителями чилийской компартии Луисом Корваланом, Владимиром Тетельбоймом²⁴, и мы обсудили создавшееся положение. Моя точка зрения была — особенно исходя из напряженной обстановки, ни в коем случае не уйти в университетскую келейность и давать большой бой на больших трибунах, чтобы сломить и левый и правый антисоветский вой. Они согласились, и предложили свою решительную поддержку, проявив абсолютное понимание всех сложных оттенков и чувство подлинного братства и товарищества.

²¹ Имеется в виду процесс над составителями «Белой книги».

²² Мафуд Массис (1916—1990 гг.) — чилийский поэт и писатель.

²³ Никанор Парра (1914—2018 гг.) — чилийский поэт. Его контакты с Советским Союзом носили сдержанно-дружелюбный характер [20, р. 56-57].

²⁴ Луис Корвалан (1916—2010 гг.) — генеральный секретарь Коммунистической партии Чили с 1958 г. В 1989 г. на этом посту его сменил политик и писатель Володя Тейтельбойм (1916—2008 гг.), член ЦК компартии. Оба неоднократно посещали СССР. Впоследствии, после 1973 г. Тейтельбойм жил в Москве в эмиграции; Корвалана, оказавшегося после переворота в тюрьме, СССР в 1976 г. выменял на Владимира Буковского [21, с. 31, 45].

Я посоветовался с ними, стоит ли включать в программу стихотворение о кубинском национальном герое, погибшем во времена Батисты «Три минуты правды»²⁵. Я высказал свою точку зрения, что это важно именно сейчас, когда Фидель допускает непозволительные для лидера страны высказывания и поступки в наш адрес, да, кстати, и в адрес компартий Латинской Америки. Фидель Фиделем, все это чрезвычайно огорчительно, но объективно значение кубинской революции — особенно ее начало, так важны для Латинской Америки и для молодежи всего мира в целом, и нельзя давать повода ни пропекинским, ни пробеломцам радостно плясать вокруг небрежно бросаемых Фиделем лакомых косточек его необдуманных фраз, а надо, несмотря ни на что, выразить поддержку не персонально кубинским руководителям, не сомнительной, хотя и маняще красивой идее чегеваризма, а самой идее кубинской революции, самой памяти ее борцов, павших в борьбе с диктатурой. Чилийские товарищи высказались за. (В скобках хочу отметить, что политика чилийской компартии по отношению к Кубе, несмотря на оскорбительные оклики с острова, является примером тончайшего такта, терпения и я бы даже сказал — гигантской моральной выдержки.) Сначала я дал бой на пресс-конференции, и его выиграл.

Первое выступление было в университете, и явилось победой. Как я и думал, чтение стихотворения «Три минуты правды» явилось полной неожиданностью для леваков и заткнуло им глотки. Тухлые помидоры, которые они принесли с собой, остались догнивать в их карманах. Энтузиазм публики был настолько велик, что и некоторые реакционеры вынуждены были встать вместе со всем залом. Тех, кто пытался сидеть — соседи подняли силой. Затем я выступал на телевидении. Меня предупредили еще в Москве, какую свинью подложили чилийские телевизионщики С.Смирнову. Они устроили нечто вроде литературного суда²⁶. Предупредили меня и в посольстве, кстати сказать, деятельно помогавшем мне во время всей поездки. Хочется много добрых слов сказать в адрес нашего посла тов. Аникина²⁷, и в адрес культурного атташе А.Развалихина.

Но продолжу о телевидении: я спросил у них по-честному — что же вы и надо мной будете суд устраивать? Они замахали руками. Однако на всякий случай я приготовился. И точно — на экране телевизора, тут же в студии, я увидел заставку «Литературный суд», а затем, еще до вопросов, комментатор преподнес довольно-таки дурно пахнущий пролог. Но мое знание испанского выручило — и я понял мигом, что к чему, и тут же, оборвав первый вопрос комментатора, ударил по этому прологу и разделал его напрочь. После этого все вопросы сразу как-то завяли, и я, взяв инициативу в свои руки, уже не отвечал, а больше говорил сам, завладев экраном телевизора. Так что моя внутренняя подготовка пригодилась. Прошу учесть всех товарищей, которые будут ездить в Чили, — держать ухо востро с телевидением, — избегать его не надо, как крупнейшей трибуны, но в то же время быть готовым ко всяким подножкам и наглостям.

²⁵ Стихотворение 1962 г., посвященное памяти кубинского революционера Хосе Антонио Эчеверриа (1932—1957 гг.).

²⁶ Вероятно, имеются в виду настойчивые расспросы по поводу дела Пастернака. С.С. Смирнов был председателем на заседании Союза писателей в Москве в 1958 г., когда из союза исключили Пастернака, и выступил с первой обвинительной речью.

²⁷ Александр Аникин (1917—1970 гг.) — Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Чили в 1965—1968 гг.

В этот же день Общество чилийско-советской дружбы, кстати сказать, весьма активно работающее, устроило вечер советской поэзии, посвященный антологии переводов Никанора Парры. Зал был битком набит лучшими представителями интеллигенции Чили. Парра читал по-испански Блока, Есенина, Маяковского, Пастернака, Светлова, Заболоцкого, Мартынова, Смелякова, Твардовского, Ахмадулину, Вознесенского. Я — эти же стихи читал по-русски. Вечер прошел с большим успехом.

Обстановка начинала меняться. Ни леваки, ни правяки уже ничего не могли поделать. Огромную поддержку мне в этой поездке оказала газета чилийской компартии «Сигло», пользуясь большим авторитетом не только среди коммунистов, и лично ее главный редактор Хорхе Инсунса²⁸. Эта газета давала самую точную и самую интересную информацию о моем пребывании, умело организовала рекламу выступлений, и вовремя давала по мордам всем, кто пытался как-либо извратить мои высказывания или очернить меня лично, или всю советскую литературу в целом. Работники этой газеты поистине героически работают на коммунизм в сложнейших условиях. Я выступил в городе Антофагаста²⁹. Несмотря на то, что местная пресса, сосредоточенная в руках крайних реакционеров, не напечатала ни строчки о моем приезде, зал опять был битком набит, и выступление было принято прекрасно. Саботаж был сорван. Но все-таки мне отомстили, и когда я проделал шестичасовую поездку на медный рудник через пустыню, мне с «огорченной» улыбкой сказали, что доступ на рудник в это время закрыт.

Чилийская компартия взялась за подготовку моего крупного выступления вместе с Пабло Нерудой в Сант-Яго. Университет и студенческая организация, к которым я обратился за помощью, ушли в сторону, сказав, что выступление в таком огромном зале, как Гимназиум Натаниель³⁰, провалится — в Чили не соберешь столько слушателей поэзии. С молодым поэтом Федериком Шопфом³¹, Никанором Паррой и Пабло Нерудой мы работали несколько дней для того, чтобы перевести несколько новых стихов. В зале Натаниель собралось около десяти тысяч человек — примерно тысяч пять не попавших стояли на улице. Вечер [вел] председатель общества чилийско-советской дружбы. Развевались флаги СССР и Чили. Неруда читал по-испански мои стихи — я по-русски. Вечер продолжался два с половиной часа, и вылился в грандиозную демонстрацию советско-чилийской дружбы. Произошло неслыханное в истории радио Чили — весь вечер целиком передавали дважды по просьбе радиослушателей, и надо отдать должное работникам радио, с очень хорошими комментариями.

Затем, по личной инициативе, я выступил перед рабочими типографии коммунистической газеты «Сигло» с чтением стихов и беседой — прямо в печатном цехе.

Уже перед самым отъездом по просьбе ЦК компартии Чили состоялось мое выступление перед участниками слета чилийского комсомола, закончившееся пением «Интернационала».

²⁸ *El Siglo* — главный печатный орган компартии Чили. Хорхе Инсунса (1936—2019 гг.) — чилийский политик-коммунист, главный редактор *El Siglo* с 1963 г.

²⁹ Правильное написание Антофагаста — город на севере Чили.

³⁰ *Gimnasio Nataniel* — баскетбольный стадион в Сантьяго-де-Чили. На трибунах стадиона помещалось до 3 тыс зрителей. В репортаже Эль Сигло с места выступления Пабло Неруды и Евгения Евтушенко говорилось о нескольких тысячах зрителей [22].

³¹ Федерико Шопф (р. 1940) — чилийский поэт, журналист и критик.

Разумеется, во время моего пятидесятидневного пребывания в Чили я не только выступал, но и совершил ряд поездок по стране для сбора материала будущих стихов. Хочется сказать огромное спасибо верному другу Советского Союза, известнейшему чилийскому прозаику, Франсиско Колоане³², который, несмотря на солидный возраст, взялся сопровождать меня. Лучшего гида невозможно представить. С Колоане мы побывали в Патагонии, на Огненной Земле, на острове Чилое, и во многих других местах. По пути мы выступили в самом южном городе мира — в Пунто Аренас.

Хотелось бы отметить помощь, оказанную нам в Патагонии югославским землячеством, проникнутым самыми лучшими чувствами к нашему народу. В скобках хочу заметить следующее. Колоане, как и все прогрессивные латиноамериканские писатели, живет очень бедно. В прошлом году он был приглашен с условием оплаты туда-обратно самолетного билета на конференцию в Бейрут³³, в которой участвовал и я. Он заплатил за билет свои собственные деньги, и наша сторона гарантировала ему высылку этих денег в Чили незамедлительно после возвращения. Прошло около года, и, несмотря на телеграммы советского посольства из Чили по этому поводу, деньги не высылались. Такое отношение к кому бы то ни было, а тем более к нашим друзьям, на мой взгляд, непозволительно.

По приглашению авиакомпании «Лана Чили» я принял участие в экспериментальном полете Сант-Яго — Острова Пасхи — Таити. Надо сказать, что мне пришла в голову идея удивительного аэрокольца, которое можно организовать в будущем, если Аэрофлот заинтересуется этой идеей. Все латиноамериканцы обычно прибывают в СССР через Европу. В случае стабилизации линии Сант-Яго — Острова Пасхи — Таити, можно будет проложить этот маршрут следующим образом: Гонконг, Токио, Иркутск, Новосибирск, Москва, — а затем Копенгаген, Париж, Мадрид, Монровия, — Рио-де-Жанейро, Монтевидео, Сант-Яго. Если Аэрофлот сумеет договориться с компанией «Лана-Чили» (а руководители этой компании уже проявили заинтересованность), получится небывалый туристский маршрут, который может прогреметь на весь мир и привлечь огромное количество туристов из Латинской Америки. Это принесет нам не только пропаганду нашей авиации, но, думаю, и значительный доход.

О политическом положении в Чили: правительство Фрея³⁴ находится меж двух огней — огня ультралевого и огня ультраправого, и поэтому некоторые акции правительства надо рассматривать как акции тактические, а не продиктованные внутренне. Исходя из всей сложности политической ситуации в Латинской Америке и сравнивая Чили с другими странами, я пришел к выводу, что на данном этапе правительство Фрея должно нас относительно устраивать. Компартия Чили пользуется довольно широкой свободой и имеет огромное влияние, как никакая другая партия в Латинской Америке, на ход событий стране. С Корваланом, с Тейтельбоймом, например, вынуждены считаться даже самые отъявленные их противники. Политика партии среди интеллигенции тактична и умна. Основные массы рабочего класса также находятся под влиянием партии. Газета «Сигло» приобретает все большую и большую популярность. Фрей понима-

³² Франсиско Колоане (1910—2002 гг.) — чилийский писатель, путешественник. Член компартии Чили, многократно бывал в СССР.

³³ Имеется в виду III конференция писателей стран Азии и Африки, состоявшаяся в 1967 г. в Бейруте. После конференции Колоане заезжал в Советский Союз.

³⁴ Эдуардо Фрей Монтальва (1911—1982 гг.) — президент Чили в 1964—1970. В ноябре 1964 г. правительство Фрея восстановило дипломатические отношения с СССР, прерванные в 1947 г. [3, р. 11].

ет, что компартия представляет собой форпост в борьбе против ультраправых и ультра-левых, и, побаиваясь компартии, все же сознательно «попустительствует» ей, предпочитая коммунистов экстремистам. (Кстати, я вынужден был отказаться от встречи с Фреем, ибо это было бы использовано «ультралевыми».)

В связи с умной работой компартии, ультралевые силы в Чили сами по себе менее опасны, чем в других латиноамериканских странах, однако они могут представить опасность вполне реальную, соединившись с силами социалистов — ярыми врагами и Фрея, и коммунистов. Насколько эти слухи точны, судить не берусь, но среди информированной интеллигенции имеются опасения, что у социалистов есть весьма сильные связи с военным руководством и что в случае удобной ситуации возможны самые неожиданные повороты. Во всяком случае, партия социалистов и их идеологический рупор газета «Насион» (*La Nación*, Santiago de Chile) на сегодняшний день ведут самую наглую антикоммунистическую пропаганду, и, хотя вроде бы выступают против американского империализма, по сути дела, солидаризируются с проамериканскими изданиями типа «Пег».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 512. [RGALI, 631-27-512] (In Russ.).
2. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965—1972: документы. Сост.: С. Д. Таванец (отв. сост.) [и др.]. М.: РОССПЭН, 2009. 1245 с. [Apparat TsK KPSS i kul'tura, 1965—1972: dokumenty [The Apparatus of the CPSU Central Committee and Culture. 1965—1972: documents]. Moscow, ROSSPEN, 2009, 1245 p.] (In Russ.).
3. Pedemonte, Rafael. Guerra por las ideas en América Latina, 1959—1973. Presencia soviética en Cuba y Chile Santiago de Chile: Universidad Alberto Hurtado, 2020, 233 p. (versión electrónica).
4. El “encuentro” Neruda-Evtushenko: más espectáculo que poesía. *La Nación* (Santiago de Chile), 1968, ene. 13, p. 5. Available at: <http://www.bibliotecanacionaldigital.gob.cl/bnd/628/w3-article-233159.html> (accessed: 23.09.2023).
5. Волков, С.М. Диалоги с Евгением Евтушенко М.: «Издательство АСТ», 2018, 307 с. [Volkov, S.M. Dialogi s Evgeniem Evtushenko [Dialogues with Yevgeny Yevtushenko]. Moscow, «Izdatel'stvo AST», 2018, 307 p. (In Russ.).
6. Пастернак Е.Б. Хроника прошедших лет. *Знамя*. М., 2008, № 12, сс. 135–165. [Pasternak, E.B. Khronika proshedsikh let [Chronicle of years gone by]. *Znamia*, Moscow, 2008, N 12, pp. 135–165 (In Russ.).
7. Серебрякова Е.Г. «Антисоветчик» Валерий Тарсис: поведенческая модель писателя-нонконформиста как реализация идентичности. *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*, 2017, № 46, сс. 167–175. [Serebryakova, E.G. «Antisovetchik» Valerii Tarsis: povedencheskaia model' pisatel'ia-nonkonformista kak realizatsiia identichnosti [«Anti-Soviet» Valery Tarsis: the behaviour model of the nonconformist writer as a realisation of identity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. Tomsk, 2017, N 46, pp. 167–175. DOI: 10.17223/19986645/46/12 (In Russ.).
8. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 197. [RGALI, 631-27-197] (In Russ.).
9. Солженицын А.И. Письмо А. Солженицына IV съезду писателей СССР (вместо выступления). *Слово пробивает себе дорогу: Сб. статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962—1974*. М., Русский путь, 1998, сс. 211–216 [Solzhenitsyn, A.I. Pis'mo A. Solzhenitsyna IV s'ezdu pisatelei SSSR (vmesto vystupleniia) [Solzhenitsyn's letter to the Fourth Congress of the Soviet Writers' Union]. *Slovo probivaet sebe dorogu: Sb. statei i dokumentov ob A.I. Solzhenitsyna. 1962—1974*. Moscow, Russkii put', 1998, pp. 211–216 (In Russ.).
10. Soljenitsyne a réclamé la suppression de toute censure et demandé à l'Union des écrivains soviétiques de Moscou de défendre les auteurs persécutés. *Le Monde*, le 31 mai 1967.
11. Раева Т.В. «Полпред без мандата» в послевоенной культурной дипломатии СССР: особенности отбора и мотивы участия (по дневникам К.А. Федина). Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021, № 1, сс. 46–49. [Raeva, T.V. «Polpred bez mandata» v poslevoennoi kul'turnoi diplomatii SSSR: osobennosti otbora i motivy uchastiia (po dnevniki-kam K.A. Fedina) [«The political representative without mandate» in post-war cultural diplomacy of the USSR: features of selection and motives of participation (based on the diaries of K. A. Fedi-

- ne)]. *Vestnik Yuzno-Uralskogo Universiteta*, 2021, vol. 21, N 1, pp. 46-49. DOI: 10.14529/ssh210107 (In Russ.).
12. Евгений Евтушенко. Яблоко. Новая книга стихов. Лондон: Flegon Press, [б.д.].
 13. Евгений Евтушенко. Качка. Лондон: Flegon Press, 1966.
 14. Restrepo David, Juan Felipe. Cinco notas sobre Gonzalo Arango para armar. En *Arango, Gonzalo. El oso y el colibrí*. Medellín: «Bookwire», 2019, 186 p.
 15. Yevtushenko, Yevgeny. Fatal Half Measures. *The Missouri Review*, vol. 13, N 3, 1991, pp. 183–199. DOI: 10.1353/mis.1991.0120
 16. РГАЛИ. Ф. 631, оп.27, ед. хр. 5. [RGALI, 631-27-5] (In Russ.).
 17. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 410. [RGALI, 631-27-410] (In Russ.).
 18. Coloane, Francisco. Con Evtushenko en la Patagonia. *El Siglo* (Santiago de Chile), 1968, ene. 21, p. 16. Available at: <http://www.bibliotecanacionaldigital.gob.cl/bnd/628/w3-article-280215.html> (accessed: 19.09.2023).
 19. Буйнова К.Р. «Доктор Живаго» в амазонских джунглях. *Латинская Америка*. М., 2022, № 11, сс. 91–103. [Buynova, K.R. «Doktor Zhivago» v amazonских dzhungliakh [“Dr Zhivago” in the Amazon rainforest]. *Latinskaia Amerika*, Moscow, 2022, N 11, pp. 91–103]. DOI: 10.31857/S0044748X0022868-3. (In Russ.).
 20. Binns, Nialls. Nicanor Parra y la Guerra Fría: Poesía política en los años cincuenta. *Estudios Públicos*. 2014, N 136, pp. 33-57.
 21. Рыбалкин, И.Е. О моих чилийских друзьях-товарищах. *Латинская Америка*. М., 2013, № 3, сс. 20–48. [Rybalkin, I.E. O moikh chiliiskikh друз'iakh-tovarishchakh [About my Chilean friends and comrades]. *Latinskaia Amerika*. Moscow, 2013, N 3, pp. 20-48.
 22. Mellado, Raúl. Evtushenko. Neruda. Al calor de la poesía. *El Siglo* (Santiago de Chile), 1968, ene. 12, p. 7. Available at: <http://www.bibliotecanacionaldigital.gob.cl/bnd/628/w3-article-245557.html> (accessed: 19.09.2023).

Kristina R.Buynova (k.r.bujnova@inno.mgimo.ru)

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Spanish Language, MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia)

Pr-t Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation

Yevgeny Yevtushenko's Latin American tour (1968). Chile. “In the volcano of the fiercest struggle”

Abstract: At the end of 1967 Yevgeny Yevtushenko went on a big Latin American tour, visiting Chile, Uruguay, Colombia and Mexico with poetry performances. According to the internal rules of the Writers' Union, the poet had to write a brief official report on the trip for the Secretariat of the Union. However, Yevtushenko's report can be called neither brief nor official: it is written extensively, passionately and with the express purpose of impressing his superiors with his success and convince them of his reliability and usefulness. In the first part, devoted to Chile, the author of Babi Yar deals with the balance of political forces in the country, speaks of the insufficient — or inadequate — Soviet presence; pays considerable attention to the public response to the literary and political processes in the USSR (the Siniavsky and Daniel case, the Trial of the Four); and, finally, talks about his poetry recitals. The text of the report, preserved in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), is published for the first time, and is accompanied by an introductory article and commentary.

Key words: E.A. Yevtushenko, Latin America, Chile, 1968.

DOI: 10.31857/S0044748X24050043

Received 23.09.2023.